

лѣ истиннаго образованія, чѣмъ строгіе баллы, наказанія, награды, экзамены...

Образованіе и школа.

Въ половинѣ XVII вѣка образованный грекъ, посѣтивши русскую землю и нѣсколько приглядѣвшись къ ней, высказалъ мысль, что русскому народу необходимы три вещи: во-первыхъ—школа, во-вторыхъ—школа и въ третьихъ—школа.

Болѣе двухъ вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, а слова наблюдательнаго византійца и до сихъ поръ вполне примѣнны къ нашему отечеству, съ тою лишь разницею, что слово «школа» слѣдуетъ, для болѣе точности, замѣнить словомъ «образованіе».

Кто же изъ мыслящихъ людей у насъ не сознаетъ въ настоящее время, что Россія, болѣе всего, нуждается въ просвѣщеніи на всѣхъ ступеняхъ его; что оно составляетъ самый насущный, самый жизненный вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ и настоящее и будущее нашего отечества?—Число образованныхъ людей у насъ, считая не только лицъ высшаго образованія, но и прошедшихъ среднюю общеобразовательную школу, просто ничтожно сравнительно съ невѣжественною массою. Въ этомъ отношеніи Россія не выдерживаетъ никакого сравненія ни съ однимъ западно-европейскимъ цивилизованнымъ государствомъ. Мы въ ужасѣ пришли бы, если бы оказалось, что на десять тысячъ солдатъ у насъ нашелся бы всего одинъ человѣкъ, способный руководить этою массою людей, и не ужасаемся, что на двадцать тысячъ человѣкъ населенія приходится у насъ только одинъ человѣкъ, получающій высшее образованіе! А это, дѣйствительно, ужасно,—ужасно потому, что мы, всегда готовые дать могучій отпоръ врагу, который осмѣлился бы посягнуть на нашу территорію, въ то же время рискуемъ потерять вполне нашу самобытность подъ натискомъ западно-европейской культуры, т. е. дорожимъ виѣшной независимостью, но не думаемъ о независимости духовной. А, между тѣмъ, всѣ великіе народы въ исторіи тѣмъ именно и велики, что вносили свое особенное національное культурное достояніе въ сокровищницу общечело-

вѣческой цивилизаціи. Чѣмъ больше этотъ національный вкладъ, тѣмъ выше и культурная цѣна народа. Что и нашъ народъ не обдѣленъ дарованіями, что и онъ долженъ стать великимъ культурнымъ народомъ,—это не подлежитъ сомнѣнію. Какъ ни ограниченъ, какъ ни ничтоженъ количественно классъ образованныхъ людей у насъ, и тѣмъ не менѣе все, что есть лучшаго въ нашемъ отечествѣ, все создано преимущественно имъ: литература, искусство, наука, народное образованіе, безъ сомнѣнія, обязаны своимъ развитіемъ этому классу. Изъ него выходили всѣ представители прогресса въ минувшіе вѣка; изъ него вышли всѣ наиболѣе видные государственные дѣятели прошлаго и нынѣшняго вѣковъ. Только недобросовѣстные, или невѣжественные люди способны упрекать нашу интеллигенцію въ томъ, что она слишкомъ мало оказала вліянія на русскую жизнь. Если принять во вниманіе, что эта интеллигенція, сравнительно съ массою невѣжественнаго народа, капля въ морѣ, то скорѣе надо удивляться, что, при своемъ количественномъ ничтожествѣ, эта интеллигенція не заглохла вовсе и, несмотря на естественныя неудобства, несмотря на ту мыслебоязнь и на то недовѣріе къ просвѣщенію, которымъ наше отечество нерѣдко сильно страдало, все-таки оказала ему большія услуги, не давши окончательно заглухнуть въ немъ умственнымъ и нравственнымъ интересамъ.

Наше несчастіе именно въ томъ, что образованныхъ людей слишкомъ ужъ мало, что они составляютъ ничтожное меньшинство.

Отсюда наша постоянная зависимость отъ Запада, не только умственная, но и экономическая. Потому то мы такъ часто и видимъ, что во главѣ нашихъ большихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій стоятъ иностранцы, которымъ и достается львиная доля выгодъ, тогда какъ роль русскаго человѣка сводится, по большей части, къ черной рабочей силѣ. Отсюда постоянныя жалобы, что у насъ людей нѣтъ, что предпримчивости, энергіи, честности мало. Отсюда оскудѣніе помѣщиковъ, по большей части людей полуобразованныхъ, не могущихъ подняться выше узкихъ эгоистическихъ разчетовъ, не способныхъ серьезно посмотрѣть на свои задачи... А внизу—многомилліонная, совсѣмъ ужъ темная масса.

Въ этой массѣ у насъ просвѣщенію крайне трудно распространяться,—огромное большинство населенія разбросано мелкими поселками на громадномъ пространствѣ; городскихъ центровъ, сравнительно съ западной Европой, очень мало, пути сообщения, по бѣльшей части, плохи, и при томъ крайняя безвыходная бѣдность народа; между тѣмъ, нигдѣ въ западной Европѣ крестьянское населеніе такъ не преобладаетъ надъ городскимъ, какъ именно у насъ въ Россіи. Все это требуетъ особеннаго вниманія къ народному образованію, потому что у насъ отъ этого-то и зависитъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, благосостояніе всего государства. Бѣдствуетъ народъ—бѣдствуетъ и оно. А бѣдствуетъ народъ болѣе всего отъ крайне низкаго культурнаго состоянія, отъ невѣжества, которое сказывается особенно ярко въ тѣхъ первобытныхъ способахъ веденія своего хозяйства, своего промысла, въ полномъ отсутствіи въ крестьянскомъ дѣлѣ прогресса,—до такой степени, что приемы обработки полей и нынѣ тѣ же, что за триста-четырееста лѣтъ тому назадъ. То же хищническое отношеніе къ почвѣ, къ лѣсу, та же безпечность, тѣ же суетвѣрія, то же пьянство, какія отмѣчали въ своихъ запискахъ иноземные путешественники, посѣщавшіе наше отечество въ XVI, въ XVII вѣкахъ... Отъ всего этого одно спасеніе—въ образованіи и внесеніи, хотя сколько-нибудь, свѣта и знаній въ эту темную массу. Вотъ, на что должны быть направлены усилія правительства, земства, всѣхъ интеллигентныхъ людей, желающихъ добра своему отечеству. И нужна тутъ не одна грамотность, а извѣстная сумма знаній, хотя бы и элементарныхъ,—необходимо возбужденіе любознательности, нужна деревнѣ не только школа грамоты, а и книжки, которыя и безъ учителя учили бы уму-разуму темнаго простолюдина.

Даже и въ интеллигентной средѣ относительно образованія у насъ далеко не все обстоитъ благополучно. Прежде всего и болѣе всего тутъ надо пожелать самой обдуманной постановки не только мужскаго, но и женскаго образованія: оно для Россіи гораздо важнѣе, чѣмъ для любого западно-европейскаго государства. Тамъ широкая общественная жизнь охватываетъ интеллигентнаго человѣка; общественные и политическіе интересы наполняютъ его умъ, волнуютъ, заставляютъ его постоянно

размышлять, поднимают надъ мелкими житейскими вопросами. При этомъ умственное развитіе не останавливается,—полученное образованіе, примѣняясь къ дѣлу, не гложетъ, а растетъ. Не то у насъ. Общественные интересы слишкомъ слабы и не могутъ особенно сильно увлекать интеллигентныхъ людей; если при этомъ и въ своей семьѣ,—въ женѣ, матери, сестрѣ,—не встрѣтятъ они лицъ, могущихъ благотворно воздѣйствовать на нихъ умственно и нравственно, то не трудно и вовсе измельчать и опошлѣть... У насъ между людьми, получившими высшее образованіе, не рѣдкость встрѣтить своего рода «рецидивистовъ», которые утрачиваютъ безслѣдно полученное ими образованіе, такъ какъ оно къ дѣлу часто вовсе не примѣняется, въ житейскомъ обиходѣ почти не требуется, въ семейномъ быту, при низкомъ уровнѣ образованія женщины, значенія тоже не имѣетъ. Словомъ, происходитъ нѣчто подобное тому, какъ крестьяне, обучившіеся грамотѣ въ школѣ, являются рецидивистами безграмотности, если имъ не приходится долго читать и писать.

Какъ же помочь бѣдѣ?—Какъ внести настоящее образованіе въ низшій и средній классъ населенія? Конечно, прежде всего, является мысль о развитіи школьнаго дѣла у насъ, объ устройствѣ возможно большаго числа школъ всевозможныхъ ступеней и типовъ. Но однихъ школъ мало. Необходимо подъемъ и распространеніе образованія всѣми возможными средствами и помимо школъ.

У насъ нерѣдко школу считаютъ чуть ли не единственнымъ средствомъ получить образованіе. Это—заблужденіе и при томъ довольно вредное. Общепринятая выраженія: «такой-то получилъ высшее образованіе, т. е. прошелъ курсъ университета; такая-то хорошо образована, т. е. училась въ институтѣ», показываютъ, что многіе именно считаютъ, что кончить курсъ въ какомъ-либо заведеніи—это и значить получить законченное образованіе; между тѣмъ, какъ образованіе зависитъ отъ многихъ условій, кромѣ школьнаго ученія; при томъ, по существу, никогда и нигдѣ не могло пониматься оно мыслящими людьми, какъ нѣчто строго опредѣленное и законченное въ смыслѣ количества знаній или степени развитія.

По отношенію къ образованію, школа въ лучшемъ случаѣ

является лишь однимъ изъ болѣе или менѣе могучихъ орудій его,—при менѣе благопріятныхъ условіяхъ является чѣмъ-то безразличнымъ, т. е. не мѣшаетъ и не содѣйствуетъ образованію и, наконецъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ оказаться прямо помѣхою для него.

Историческая справка подтвердить намъ это. Бросимъ хотя бѣглый взглядъ на отношенія школы къ образованію въ разныя эпохи, болѣе знаменательныя въ исторіи просвѣщенія. Особенно заслуживаютъ вниманія въ этомъ отношеніи Аѣины въ ихъ цвѣтущій періодъ. Чтѣ находимъ мы здѣсь?—Насколько извѣстно, аѣинская школа почти не имѣла ничего общаго съ нашимъ современнымъ понятіемъ о школѣ. Аѣинскія дѣти учились читать, писать, считать, знакомились съ произведеніями своихъ поэтовъ, упражнялись въ музыкѣ, въ гимнастическихъ играхъ и состязаніяхъ. Гармоническое развитіе души и тѣла считалось главною задачею воспитанія. Въ юношескій возрастъ аѣиняне имѣли возможность слушать въ своихъ гимназіяхъ бесѣды выдающихся людей, мудрецовъ, ученыхъ, на площади могли слышать политическія и судебныя рѣчи выдающихся государственныхъ людей, ораторовъ, выяснявшихъ вопросы съ разныхъ сторонъ, кругомъ себя видѣли повсюду произведенія искусства, словомъ, вся окружающая жизнь воздѣйствовала на нихъ. Политическая и общественная жизнь, которая вся выносилась въ Аѣинахъ на площадь, была главною и высшею школою, гдѣ аѣинскіе граждане получали окончательно свое воспитаніе. Жизнь эта всесторонне охватывала душу,—давала работу уму, выдвигая постоянно рядъ важнѣйшихъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ, требовавшихъ рѣшенія, воздѣйствовала на чувства и воображенія чудными произведеніями зодчества, ваянія, живописи, театральными зрѣлищами, поэтическими произведеніями и пр.

Такимъ образомъ, роль собственно школы въ нашемъ смыслѣ была въ древнихъ Аѣинахъ очень скромная: не опредѣлялась тутъ точно ни сумма знаній, обязательныхъ для каждаго, не требовалась опредѣленная степень развитія, не было строгой регламентаціи, однообразной системы, распредѣленія по классамъ, испытаній и пр.,—словомъ, всего, чему въ наше время

придается такое великое значеніе, мы въ аѳинской школѣ не находимъ,—покрайней мѣрѣ, нѣтъ данныхъ предполагать все это. А, между тѣмъ, изумительная умственная производительность аѳинянъ, этого количественно незначительнаго народа, сдѣлавшаго въ области мысли и искусства болѣе, чѣмъ многіе большіе народы съ ихъ благоустроенными школами, средними и высшими, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, показываетъ, что образованіе аѳинянъ стояло очень высоко. Конечно, даровитость эллиновъ выходитъ изъ ряда вонъ, но ею одною всего объяснить нельзя: тутъ имѣеть гораздо болѣе значенія, конечно, не школа, а жизнь,—жизнь, полная глубокаго содержанія, жажда мысли и знанія, умъ людей свѣжихъ, не измученныхъ никакою обязательною учебой...

Видоизмѣнилась, измельчала эта общественная жизнь, и, мало-по-малу, гаснеть и производительность въ области мысли и искусства. Въ то же время школа, какъ будто, получаетъ больше значенія: руководителями являются ученые риторы, софисты и пр. Учатся гораздо болѣе, чѣмъ въ вѣкъ Перикла, изучаютъ и грамматику и риторику и пр. Наступаетъ многоученный Александрійскій вѣкъ; но не порождаетъ онъ уже геніевъ мысли и искусства, а, по болѣшей части, даетъ лишь подражателей, компиляторовъ, комментаторовъ и т. д. Куда же дѣвалась удивительная даровитость, геній эллинскій? Они, конечно, попрежнему таятся въ народѣ; но нѣтъ въ этомъ народѣ того живого воодушевленія, нѣтъ того жизненнаго движенія, какъ раньше,—и сильный умъ дремлетъ съ грузомъ знаній, интересныхъ только для «книжныхъ» людей, вянетъ чувство, не возбуждаемое импульсами общественной жизни. Образованіе получаетъ преимущественно характеръ книжный, мертвый; умственная работа идетъ по своему направленію, которое часто не имѣетъ ничего общаго съ жизнью. Школа отличается тѣмъ же характеромъ,—она налагаетъ на своихъ учениковъ печать учености и книжности.

Нигдѣ мы не найдемъ такого яркаго примѣра, какъ въ исторіи древней Греціи,—примѣра того, какое громадное воспитывающее и образующее значеніе имѣетъ общественная жизнь...

Школа у практическихъ римлянъ не имѣла особенно важнаго значенія. Умственные и художественные интересы не стоя-

ли на первомъ планѣ у нихъ, и творческій геній здѣсь казался болѣе всего опять-таки въ томъ, къ чему направляла ихъ жизнь—въ выработкѣ государственнаго строя, гражданскихъ правъ, въ организаціи военной силы. И тутъ мы видимъ силу вліянія жизни на творческую способность: все важнѣйшее въ области права было создано римлянами въ ту пору, когда, съ нашей точки зрѣнія, они были неучами, и когда у нихъ, конечно, не было сколько-нибудь благоустроенной школы. Позже являются у нихъ школы, по подобію позднѣйшихъ греческихъ, знакомящія ихъ съ грамматикой, риторикой, греческой и отечественной литературой, и лишь въ періодъ упадка являются ученые, которые собираютъ и комментируютъ то, что создано раньше самими римлянами въ области юриспруденціи...

Полагаемъ, что можно съ полнымъ правомъ признать, что образовательное значеніе въ древнемъ Римѣ имѣла такъ же, какъ и въ Греціи, общественная жизнь, а не школа.

Въ средніе вѣка къ варварскимъ народамъ принесли свѣтъ Христова ученія и грамотность миссіонеры-монахи. Въ ихъ рукахъ долгое время и находилось образованіе. Оно совершенно естественно носило односторонній теологическій характеръ. Схоластическая школа, созданная средневѣковымъ монашествомъ, при ея догматизмѣ, чуждая и даже враждебная духу изслѣдованія и самостоятельной мысли, конечно, не можетъ считаться хорошимъ орудіемъ образованія. Средневѣковая общественная жизнь никакой органической связи съ монашеской схоластической школой и не имѣла, и потому послѣдняя особеннаго широкаго вліянія оказать на образованіе общества не могла.

Но вотъ, въ концѣ XV вѣка въ Италіи начинается новое умственное движеніе. Одно за другимъ открываются древнія греческія произведенія скульптуры, поэзіи, философіи... Все это настолько выше того, чѣмъ пробавлялись, въ этомъ отношеніи, до тѣхъ поръ, что производитъ неотразимо-сильное впечатлѣніе на всѣхъ чуткихъ и даровитыхъ людей. Увлеченіе растетъ, охватываетъ все болѣе и болѣе общество, доходитъ до такой крайности, что можно было даже опасаться, что христіанское ученіе, опутанное схоластикой, не выдержитъ сравненія

съ поэтической міеологіей грековъ... Произведенія древнихъ поэтовъ, ораторовъ, мыслителей греческихъ и латинскихъ оказываются, конечно, внѣ всякаго сравненія съ писаніями средневѣковыми. Является страсть собирать не только произведенія древняго искусства, но и литературы, изучать ихъ. Знаніе основательное не одного латинскаго, но и греческаго языка, становится обязательнымъ для всякаго человѣка, претендующаго на образованіе и желающаго насладиться красотами древнихъ твореній. Стремленіе изучать древніе языки охватываетъ Италію, Германію, Францію, Англію, и, такимъ образомъ, возникаетъ знаменательная въ умственной исторіи Европы — эпоха возрожденія. Такъ какъ движеніе было дѣйствительно-жизненнымъ, то оно и оказалось плодотворнымъ. Знаніе древнихъ языковъ являлось тогда въ полномъ смыслѣ ключомъ къ сокровищницѣ знаній,—знаній новыхъ и въ высшей степени интересныхъ. Изучались древніе языки охотно, и какъ изучались! Юноши и дѣвицы въ 15—16 лѣтъ могли свободно читать классическія произведенія. Являлись такіе знатоки, которые могли говорить рѣчи по-латыни слогомъ Цицерона; встрѣчались чудачи, которые на всѣ вопросы въ теченіе часа и болѣе могли отвѣчать стихами Иліады и Одиссеи... могли наизусть декламировать эти поэмы отъ начала до конца. И такое знаніе пріобрѣталось безъ всякаго принужденія со стороны учебныхъ властей, безъ малѣйшихъ жалобъ на трудность. Таково могущественное воздѣйствіе жизни! Школы, гдѣ изучались древніе языки и произведенія, удовлетворяя жизненному требованію, являлись дѣйствительно орудіями истиннаго образованія. Увлеченіе классицизмомъ, особенно внѣшней формою классическихъ произведеній, даже болѣе,—страстное поклоніе ему, какъ извѣстно, на нѣсколько вѣковъ наложило печать на литературу, искусство, на всю жизнь западныхъ европейцевъ.

Тутъ мы видимъ, что школа служитъ проводникомъ въ общество знаній, принесенныхъ извнѣ, притомъ знаній, на которыя жизнь предъявила большой спросъ, и школа сначала имѣетъ высокое и вполне жизненное значеніе.

Эпоха возрожденія сильно подняла мыслящій умъ. Нашлись

люди, изучавшіе не однихъ только древнихъ поэтовъ, но и философовъ, математиковъ, географовъ... Книгопечатаніе, явившееся тогда какъ нельзя болѣе кстати, сдѣлало новыя знанія болѣе общедоступными, разносило ихъ путемъ книги вдаль и вширь. Открытіе новыхъ земель, развитіе мореплаванія, сношенія съ невѣдомыми раньше странами и людьми даютъ новый сильный импульсъ умственной пытливости. Можно сказать, что уже въ началѣ XVI ст. образованіе, распространившееся на Западѣ, въ смыслѣ суммы разностороннихъ знаній, оставило далеко позади школу, даже обновленную возрожденнымъ классицизмомъ. Эта школа питала своихъ питомцевъ, болѣе всего, изящной формой, языкомъ, поэзіей классическаго міра, а въ жизни обращались уже знанія реальныя, естественныя, географическія, почерпнутыя не только отъ классиковъ, но и отъ арабовъ, и вновь пріобрѣтенныя, благодаря энергіи путешественниковъ, наблюдателей и изслѣдователей. Школа, все болѣе и болѣе, отставала отъ образованія общества, и не только не давала всѣхъ знаній, которыя были въ жизненномъ оборотѣ, но прямо-таки игнорировала цѣлыя группы ихъ, особенно относящіяся къ области естествознанія; но все-таки она имѣла глубокой смыслъ, пока у западныхъ народовъ еще не было ни своей литературы, ни философіи, которыя могли бы сколько-нибудь соперничать съ классическими. Латинскій же языкъ, на которомъ совершалось богослуженіе въ католическихъ странахъ, на которомъ писались долгое время ученые трактаты, велись диспуты, имѣлъ, конечно, особенно важное значеніе. Словомъ, знаніе древнихъ языковъ было ключомъ къ весьма цѣнному умственному достоянію, оставленному классической древностью. Многія произведенія, поэтическія, историческія и философскія, тогда еще не были переведены съ древнихъ языковъ на новыя.

Возбужденный умъ и духъ свободнаго изслѣдованія не могли не отозваться разрушительно на схоластикѣ и связанной съ нею католической церкви. Является протестантизмъ. Борьба церковныхъ партій отражается и на школѣ: она, къ величайшему несчастію для истиннаго образованія, обращается тоже въ орудіе борьбы. Протестантская школа внушаетъ презрѣніе къ ка-

толикамъ, выставляя ихъ отсталыми, темными людьми; католическая школа клянеть протестантовъ, какъ еретиковъ, для которыхъ уготованы вѣчныя мученія... Являются и знаменитыя іезуитскія школы, задавшіяся цѣлью перерабатывать на свой ладъ людей. Не могли оставаться и свѣтскія правительства безучастными при видѣ такой эксплуатаціи школы съ различными цѣлями и также стали обращать ихъ въ свои орудія. Такимъ образомъ, на первый планъ выступает не истинное воспитаніе и образованіе, а извѣстное направленіе, какое считалось лучшимъ для той партіи, въ рукахъ которой находилась школа. Понятно, что подобныя школы могли становиться по отношенію къ истинному образованію нерѣдко прямо вредными.

Но и помимо этого, средневѣковая школа, оживленная возрожденнымъ классицизмомъ, мало-по-малу, стала терять свою жизненность. Умственные интересы общества все болѣе и болѣе привлекаются новыми открытіями въ области географіи, естествовѣдѣнія, астрономіи, а школа попрежнему старается лишь восхищать своихъ учениковъ древними языками, красотами поэтическихъ произведеній, скандируетъ, декламируетъ... Но ученикамъ, не видящимъ кругомъ себя особеннаго увлеченія классицизмомъ, школьное ученіе становится скучнымъ и кажется труднымъ.

Наступаетъ новая пора. Западноевропейскія литературы, мало-по-малу освобождаются отъ господства классическихъ формъ, выходятъ изъ того очарованнаго круга, въ которомъ долго держалъ западную Европу обворожившій ее классицизмъ, становятся на свои ноги. Проходитъ нѣсколько поколѣній, и являются, одно за другимъ, литературныя произведенія, одно сильнѣе другого,—произведенія, не уступающія въ величій древнимъ поэтическимъ созданіямъ, превышающія ихъ глубиною мысли и стоящія неизмѣримо выше въ нравственномъ отношеніи. Между тѣмъ, въ Германіи, Франціи, Англіи и въ другихъ странахъ знатоки классическихъ языковъ и высокоталантливые люди, мало-по-малу, комментируютъ и переводятъ всѣ классическія сколько-либо выдающіяся произведенія на свои родные языки. А въ то же время опыты науки разрастаются съ необыкновенной быстротой, поразительныя открытія слѣдуютъ

одно за другимъ. На ряду съ ними идетъ и практическое при-
мѣненіе: техника слѣдуетъ по пятамъ за опытными науками и
ихъ открытіями. Въ экономической и общественной жизни ци-
вильзованнаго міра эти открытія производятъ рядъ переворо-
товъ.

Господствующая въ Европѣ классическая школа, туго поддаю-
щаяся обновленію и жизненнымъ требованіямъ, и крѣпко
держащаяся, какъ главнѣйшаго своего основанія,—классиче-
скихъ языковъ, становится отжившею формою, и при слабомъ
режимѣ, т. е. при слабыхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ уче-
никамъ, является безразличною, т. е. не вредною, но и бесполез-
ною по отношенію къ истинному образованію, а при строгомъ
режимѣ, при строгихъ требованіяхъ, дѣлается крайне тяжелою
для учащихся, истомляетъ ихъ, и потому должна быть признана
вредною. Невольно возникаетъ мысль, почему же классическая
школа стала теперь трудна, а два столѣтія тому назадъ была
легка и достигала изумительныхъ результатовъ сравнительно
съ теперешнею? Это происходитъ именно потому, что два вѣка
тому назадъ она вполне соотвѣтствовала жизни: учащіеся юноши
находили въ классикахъ не только невиданную ими красоту
формы, но и любопытное содержаніе, которымъ интересовались,
о которомъ говорили не только въ школѣ, но и въ семьѣ и въ
обществѣ, да и учитель, вѣроятно, отдавался изученію своего
предмета тогда съ истиннымъ увлеченіемъ; а теперь въ жизни
никто классиками особенно не интересуется, тѣмъ болѣе, что
они имѣются въ прекрасныхъ общедоступныхъ переводахъ,
притомъ есть свои національные писатели, которыхъ знать во
всякомъ случаѣ интереснѣе и полезнѣе, потому что многіе изъ
нихъ, по содержанію, выше классиковъ; наконецъ, теперь больше
въ школѣ изучаютъ лишь языкъ съ грамматической стороны,
а это крайне скучно для дѣтскаго и юношескаго ума, а что скучно,
то и крайне трудно для изученія.

Въ настоящее время мы видимъ, что классической школѣ въ
Германіи и другихъ странахъ стали наносить ударъ за ударомъ.
Государственные люди указываютъ на то, что школа эта вы-
пускаетъ людей, мало пригодныхъ для практической жизни;
университеты жалуются, что поступающіе въ нихъ юноши не

отличаются ни подготовкой, ни развитіемъ, необходимыми для университетскихъ занятій. Наконецъ, врачи-гигіенисты выставляютъ на видъ весь вредъ односторонняго, чисто-формальнаго умственнаго образованія и настоятельно требуютъ, чтобы было обращено вниманіе на физическое воспитаніе.

Это послѣднее требованіе, несомнѣнно, уже начало производить свое дѣйствіе, и мы видимъ, что повсюду въ Европѣ начинаютъ придавать физическому воспитанію въ школахъ серьезное значеніе: придается большое значеніе подвижнымъ играмъ на открытомъ воздухѣ, гимнастикѣ, экскурсіямъ; стараются по возможности облегчить умственный трудъ учащихся и пр.—Нѣтъ сомнѣнія, что съ этого пути уже не свернуть, и въ будущемъ пойдутъ далѣе; поворотъ назадъ уже крайне труденъ.

Это—успѣхъ громадной важности въ школьномъ дѣлѣ.

Теперь очередь за представителями опытной психологін. Несомнѣнно, наступить пора и, вѣроятно, скоро, когда и они, на основаніи достаточныхъ по числу и провѣренныхъ наблюденій, предъявятъ свои требованія. И они, подобно гигиенистамъ, заявятъ, что съ душою учащагося надо обращаться бережно,—нужно имѣть понятія о свойствахъ ея прежде, чѣмъ предъявлять ей тѣ или другія требованія

Не удивительно ли, что организаторы школъ до сихъ поръ никогда серьезно не останавливались на вопросъ относительно душевныхъ свойствъ и способностей человѣка въ учебномъ возрастѣ? Задумывались болѣе всего надъ тѣмъ, какъ бы побольше дать знаній, хотя бы и въ самомъ сжатомъ видѣ, или размышляли о томъ, какъ бы выдѣлить изъ этихъ знаній то, что составляетъ самое существенное въ наукахъ, или болѣе пригодное въ жизни,—думали, какъ развить умъ учащихся такъ, чтобы сдѣлать его особенно гибкимъ; но о сущности души, о томъ, что у нея могутъ быть свои потребности, которыя необходимо удовлетворить,—иначе она зачахнетъ, что неосторожное обращеніе съ нею можетъ ее погубить, или изуродовать,—обо всемъ этомъ слишкомъ мало думали. По крайней мѣрѣ, огромное большинство школъ ясно доказываетъ это. А, между тѣмъ, психологія существуетъ не со вчерашняго дня и собрала много

фактовъ несомнѣнныхъ и притомъ большой важности, особенно для дѣла воспитанія и образованія.

Изъ приведенныхъ выше историческихъ фактовъ можно придти къ нѣсколькимъ важнымъ для насъ выводамъ. Прежде всего, мы видимъ могучее образующее значеніе общественной жизни (у классическихъ народовъ), которая даже безъ школьной системы, въ нашемъ смыслѣ, высоко поднимаетъ умственные силы народа. Далѣе видимъ громадное значеніе школы, хотя и односторонней, но вносящей въ общество тѣ живыя знанія, на которыя общество предъявляетъ большой спросъ (такова школа греко-латинская въ началѣ эпохи возрожденія). Видимъ, что съ XVI в. начинается пагубное для школъ стремленіе обратить ее въ орудіе для цѣлей, ничего общаго съ истинными задачами образованія не имѣющихъ (какъ это случилось во время религіозной борьбы католичества съ протестантизмомъ). Наконецъ, видимъ на примѣрѣ греко-латинской школы, какъ она, упорно держась традиціи, все болѣе и болѣе расходясь съ интересами общества и науки, обращается въ «пережитокъ»,—одну лишь пустую и мертвую форму, которая, несмотря на всѣ усилія нѣкоторыхъ поклонниковъ ея, безъ всякаго сомнѣнія, скоро уступитъ мѣсто школѣ полной жизни и содержанія.

Школа, какъ мы сказали выше, есть лишь одно изъ орудій образованія,—вѣрнѣе было бы сказать,—*приготовленія къ образованію*, которое, по существу своему, состоитъ въ безконечномъ совершенствованіи всѣхъ наиболѣе цѣнныхъ свойствъ человѣческой натуры,—нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ. Совершенствованіе это можетъ продолжаться у каждаго человѣка въ теченіе бѣльшей части его жизни, пока отъ старости и слабости не начнутъ упадать силы духовныя и физическія. Можно сказать, что школа низшая, средняя и высшая лишь тогда исполняютъ свое назначеніе, когда, возбуждая умственный интересъ, даютъ импульсъ человѣку къ разумной, сознательной жизни и къ самоусовершенствованію.

Всякому образованному человѣку хорошо извѣстно, что все самое цѣнное умственное достояніе, какимъ онъ владѣетъ, пріобрѣтено имъ самимъ, путемъ самостоятельнаго размышленія надъ читаннымъ, слышаннымъ, видѣннымъ и испытаннымъ въ

жизни,—особенно надъ послѣднимъ, потому что самымъ могущественнымъ стимуломъ, возбуждающимъ къ работѣ умъ и чувство человѣка, надо признать окружающую его жизнь, а затѣмъ литературу, въ которой отражается эта жизнь съ ея радостями и невзгодами, въ которой сказываются думы и чувства мыслящихъ людей. Каждый изъ образованныхъ людей вспомнитъ добрымъ словомъ школу, гдѣ онъ учился, не за ту массу свѣдѣній, какія дала она ему и какія давно, бѣльшую частью, испарились изъ памяти его, а за то, что она возбудила въ немъ интересъ къ знанію, приучила къ умственному труду, къ разумному критическому отношенію ко всему окружающему, помогла выработкѣ въ немъ нравственнымъ устоямъ и разумнымъ принципамъ.

«Образованнымъ» человѣкомъ назовемъ мы не того, кто много знаетъ и кто умственно развитъ: бываютъ ученые педанты, владѣющіе по своей специальности изумительнымъ количествомъ мелкихъ знаній, отъ которыхъ никому ни тепло, ни холодно; бываютъ лица съ развитымъ, необыкновенно-гибкимъ, находчивымъ умомъ между, напр., «знаменитыми» шахматистами; но развѣ можно такихъ людей назвать «образованными» въ настоящемъ смыслѣ слова, если они никакого разумнаго употребленія—одинъ изъ своихъ знаній, а другой изъ своего гибкаго, смѣтливаго ума,—сдѣлать не могутъ. Знанія, даже и дѣйствительно цѣнные, и умъ, несомнѣнно развитой,—это силы, которыя могутъ быть полезны, бесполезны и даже вредны, смотря по тому, какъ и на что онѣ направлены. Только тогда получаютъ они смыслъ и цѣну, когда ими руководятъ облагороженное чувство, разумные принципы, высокій нравственный идеалъ.

Помочь выработаться этимъ руководящимъ началамъ,—вотъ, что составляетъ первѣйшую и главнѣйшую задачу школы. Если она этого не дѣлаетъ, она нисколько не служитъ дѣлу истиннаго образованія, и тѣ организаторы школы, которые усиленно и исключительно заботятся о формальномъ развитіи учащихся при помощи языковъ древнихъ или иностранныхъ и математическихъ упражненій, не вѣдаютъ, что творятъ.

Какъ для развитія и роста организма было бы совершенно неразумно побуждать производить жевательныя и глотательныя

движенія, давая при этомъ малопитательную и неподходящую пищу, такъ же неразумно, заботясь о развитіи и ростѣ ума, упражнять его на неподходящемъ матеріалѣ, не вызывающемъ вовсе интереса,—этого умственного аппетита. Вѣдь, идя по тому пути, какого держатся, обыкновенно, сторонники формальнаго развитія, можно дойти и до такого абсурда, что предложить шахматную игру, какъ лучшее средство для умственного развитія учащихся, такъ какъ она требуетъ и напряженія мысли, и наблюдательности, и предусмотрительности, и смѣтливости,—словомъ, всего, что необходимо для упражненія ума, а благодаря постоянному соревнованію играющихъ, даже можетъ возбуждать большой интересъ.

Нѣтъ, для развитія и роста ума однихъ упражненій его мало,—необходимо питаніе его здоровой умственной пищей—живыми знаніями и идеями. Безъ нихъ не можетъ быть энергичной и плодотворной работы ума, не можетъ быть и здороваго упражненія его. Необходимо помнить также, что душа человѣка выражается не въ однихъ мыслительныхъ процессахъ, что воображеніе и чувство требуютъ пищи и упражненія. Болѣе же всего слѣдуетъ помнить, что главная задача школы—помочь выработкѣ нравственнаго идеала, разумныхъ принциповъ и умственного интереса, ведущаго человѣка къ самообразованію.

И потому организаторы школы должны считать главной задачей для себя—выборъ изъ обширной области знанія подходящаго матеріала для всесторонняго развитія умственныхъ и нравственныхъ силъ души, и выработку разумныхъ способовъ обученія.

Всякому человѣку, живущему въ обществѣ, если онъ не кабинетный ученый спеціалистъ, приходится преимущественно думать и говорить о житейскихъ отношеніяхъ и явленіяхъ, болѣе всего чувствовать жизненныя радости и горести. Общественная жизнь, какъ мы видѣли, сильнѣе, чѣмъ иное что-либо, формируетъ умы и характеры людей. Отсюда понятно, какіе предметы должны быть поставлены на первое мѣсто въ школѣ, претендующей готовить людей къ жизни. Нравственное ученіе Іисуса Христа должно, конечно, занять главное мѣсто, стать твердымъ нравственнымъ фундаментомъ въ жизни всякаго образованнаго

человѣка. Затѣмъ отечественная словесность, отражающая въ своихъ произведеніяхъ ту жизнь, которая окружаетъ учащихся, и заключающая въ себѣ идеалы, думы и завѣты лучшихъ людей, глубоко задумывавшихся надъ вопросами жизни, а далѣе отечественная исторія. Но учебные предметы эти, имѣя ничѣмъ незамѣнимую воспитательную силу, все-таки не въ состояніи содѣйствовать развитію точнаго, строгаго мышленія, не въ состояніи также поставить человѣка въ разумныя отношенія къ природѣ, и потому математическіе предметы и естествознаніе должны занять также видное мѣсто въ школѣ. Если при постановкѣ этихъ учебныхъ предметовъ будетъ выдвигаться на первый планъ воспитательная сила ихъ, а не сумма знаній; если уроки Закона Божія прочно заложатъ въ душу учащихся начала христіанской нравственности; если уроки словесности приучатъ ихъ задумываться надъ житейскими отношеніями и явленіями, дадутъ основанія для выработки правильныхъ общественныхъ идеаловъ; если уроки математики приучатъ къ строго логическому мышленію, уроки естествознанія научатъ наблюдать жизнь окружающей природы, а все вмѣстѣ возбудитъ умственный интересъ; то можно будетъ сказать, что школа послужила, настоящимъ образомъ, дѣлу умственного и нравственного образованія. Но этого мало. Школа должна самой серьезной постановкой искусствъ (пѣніе, рисованіе, лѣпка) содѣйствовать развитію эстетическаго чувства, а введеніемъ физическихъ упражненій, состязаній, подвижныхъ игръ на чистомъ воздухѣ содѣйствовать тѣлесному развитію учащихся.

Если дальнѣйшее развитіе нашей средней школы пойдетъ по тому разумному пути, то, несомнѣнно, она, мало-по-малу, станетъ въ надлежащіе отношенія къ наукѣ и жизненнымъ требованіямъ и сдѣлается однимъ изъ могучихъ орудій образованія. И правительства, и общества будутъ вполне признавать это и цѣнить школу именно съ этой стороны, а на истинное образованіе станутъ смотрѣть, какъ на великое благо для каждого человѣка и необходимое условіе благосостоянія государства и общества. Такъ какъ правильное образованіе само по себѣ—благо, то не будутъ видѣть надобности для приманки къ нему въ какихъ-либо правахъ и служебныхъ привилегіяхъ. Школа, основанная

на разумныхъ началахъ, связанная неразрывными узами съ общественною жизнью и наукой, сама по себѣ, будетъ достаточно привлекательною, удовлетворяя естественной любознательности здороваго ума. Тогда и правительство и общество будутъ ясно сознавать, что всякій человѣкъ, которому Господь Богъ далъ умственные способности, имѣть не только право, но и обязанность совершенствоваться ихъ, и потому школа на всѣхъ ступеняхъ ея должна быть открыта всѣмъ желающимъ и могущимъ учиться, безъ различія сословій и состояній.

Всѣ учебныя заведенія въ странѣ будутъ приведены къ стройному органическому цѣлому, такъ что изъ низшихъ училищъ безъ всякаго затрудненія можно будетъ поступить въ соотвѣтствующее высшее.

Намъ представляется въ будущемъ такая картина народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ. Во всякомъ селѣ при каждой церкви существуютъ училища грамоты, какъ это теперь и заводится. Священники и причетники являются учителями грамоты, получая за свой трудъ достаточное вознагражденіе. Но, кромѣ церковныхъ школъ, по селамъ и по деревнямъ устраиваются земствами школы грамоты повсюду, гдѣ набирается достаточно дѣтей. Въ глухихъ мѣстахъ, въ маленькихъ деревушкахъ, гдѣ нельзя устроить постоянной школы, практикуется подвижная школа грамоты, какъ это дѣлается въ Швеціи, представляющей по рѣдкости населенія и большимъ разстояніямъ между городами и деревнями много сходства съ нашимъ отечествомъ.

Въ школы грамоты поступаютъ дѣти лѣтъ 7 и обучаются въ теченіе двухъ лѣтъ главнымъ молитвамъ, чтенію, письму, счету и первымъ четыремъ ариметическимъ дѣйствіямъ въ предѣлахъ небольшихъ чиселъ, т. е. курсъ равняется приблизительно двумъ отдѣленіямъ приготовительныхъ классовъ, какіе существуютъ при гимназіяхъ.

За школой грамоты слѣдуетъ низшее училище съ трехгодичнымъ курсомъ, въ который входитъ священная исторія Ветхаго и Новаго завѣта, отечественный языкъ, какъ основной предметъ, ариметика, географія и естествознаніе, сверхъ того, пѣніе, рисованіе и чистописаніе. При значительномъ числѣ уроковъ (не менѣе 6 въ недѣлю) родной языкъ изучается основательно

въ теченіе трехъ лѣтъ и завершается элементарной грамматикой, такъ что прошедшіе курсъ низшей школы могутъ писать грамотно и толково и читать бѣгло и съ выраженіемъ, знакомы съ нѣкоторыми болѣе доступными произведеніями русской словесности въ цѣломъ, или въ отрывкахъ (по хорошо составленной хрестоматіи), знакомы и съ важнѣйшими событіями отечественной исторіи, хотя бы по той же книгѣ для чтенія, или хрестоматіи.

Далѣе слѣдуетъ среднее трехгодичное училище. Здѣсь по Закону Божію проходится въ краткомъ видѣ богослуженіе и исторія церкви. По русскому языку читаются и разбираются главные произведенія отечественной словесности, учащіеся упражняются въ письменныхъ работахъ, и завершается курсъ краткой стилистикой и теоріей словесности, такъ что прошедшіе среднюю школу должны свободно, логично и правильнымъ слогомъ выражать свои мысли въ небольшихъ самостоятельныхъ сочиненіяхъ въ формѣ описанія, повѣствованія и разсужденія. Въ среднемъ училищѣ вводятся новые предметы: отечественная исторія и географія Россіи. Занятія по естествознанію ведутся въ томъ же характерѣ, какъ въ низшемъ училищѣ, т. е. путемъ опыта и наблюденія, и въ концѣ трехлѣтняго курса полученныя знанія сводятся, по возможности, въ систему. По математикѣ прибавляется геометрія и часть алгебры. Затѣмъ здѣсь съ перваго же года прибавляется обязательно одинъ изъ иностранныхъ языковъ— французскій, или нѣмецкій (необязательно предоставляется заниматься и другими новыми языками, а также и древними; для этого устраиваются при заведеніяхъ правильно организованные частные курсы по этимъ языкамъ). Ученики, освоившіеся уже порядочно съ роднымъ языкомъ и элементарной грамматикой, при двойномъ количествѣ уроковъ сравнительно съ тѣмъ, какое предоставляется теперь въ нашихъ школахъ, въ три года дѣлаютъ въ изученіи одного иностраннаго языка больше успѣховъ, чѣмъ въ теперешнихъ школахъ въ шесть лѣтъ.

Наконецъ, слѣдуетъ высшее трехгодичное училище. По Закону Божію здѣсь повторяется священная исторія Ветхаго и Новаго завѣта, проходится православный катехизисъ, но особенно обстоятельно знакомятся съ евангельскимъ ученіемъ. По родному языку и словесности занимаются русской грамматикой,

сравнительно съ церковно-славянской, и изучаютъ важнѣйшія произведенія древней и новой отечественной словесности въ историческомъ порядкѣ. Вновь вводится изученіе элементарной психологіи и логики. По исторіи въ теченіе трехъ лѣтъ (при 4 или 5 урокахъ въ недѣлю) проходится всеобщая исторія (древняя, средняя, новая), и русская исторія проходится вторично, причемъ болѣе, чѣмъ въ среднемъ училищѣ, выясняются внутреннія стороны, значеніе событій и законодательной дѣятельности. По географіи—всеобщая географія, при чемъ болѣе обстоятельно изучается географія Европы, а также вторично проходится географія Россіи, причемъ останавливаются на тѣхъ сторонахъ ея, какихъ не касались раньше,—на вопросахъ о промышленности, торговлѣ, экономическомъ состояніи. По естествознанію изучаются фізіологія и основы гігіены, физика и космографія. По математикѣ оканчивается алгебра и геометрія, и вновь проходится тригонометрія. Наконецъ, изучается обязательно тотъ же иностранный языкъ, который начали изучать ранѣе, и учащіеся доводятся къ концу курса до способности читать свободно любую книгу на изученномъ языкѣ.

Всѣ обозначенные учебные предметы изучаются преимущественно въ классѣ подъ руководствомъ учителя. Педагоги понимаютъ, что главное назначеніе школы не внѣдрить въ память ученика извѣстныя знанія и понятія, а освоить его, при дѣятельномъ участіи его самого, съ научными приѣмами, приучить его логическимъ путемъ подходить къ истинѣ. Это возможно болѣе или менѣе при всѣхъ учебныхъ предметахъ, гдѣ есть обобщеніе и выводъ.

Знаніе, добытое ученикомъ, болѣе или менѣе, самостоятельно, лучше запоминается; но, что гораздо важнѣе, пріобрѣтается привычка стремиться къ нему, привычка мыслить... Живая беседа учителя съ учениками—вотъ, та форма, какую должны имѣть уроки въ общеобразовательной школѣ. Конечно, при этомъ отъ учителя потребуются болѣе ума, дарованія, призванія къ своему дѣлу, чѣмъ требуется отъ преподавателя, который лишь комментируетъ учебникъ, задаетъ урокъ и спрашиваетъ его; но за то, несомнѣнно, поднимется и значеніе учительской профессіи; хорошій учитель будетъ цѣниться въ обществѣ го-

раздо выше и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ цѣнится теперь въ роли исправнаго чиновника.

Такъ какъ въ будущемъ школы всѣхъ ступеней не дають никакихъ служебныхъ правъ и привилегій, то никакой нѣтъ надобности въ теперешней системѣ экзаменовъ, аттестацій, наградъ и пр. Всѣ эти понудительныя средства заставить заниматься не нужны тамъ, гдѣ обученіе будетъ основано на интересѣ занятія, на самодѣятельности учащихся, притомъ преимущественно на работѣ въ классѣ.

Испытывать учащихся всякій желающій можетъ самымъ простымъ способомъ,—стоитъ ему лишь спросить у нихъ, что они изъ пройденнаго лучше знаютъ и затѣмъ изъ этой области предложить вопросъ или тему, или задачу для устнаго, или письменнаго отвѣта. Если отвѣты будутъ осмысленные и логичные,—это будетъ служить яснымъ доказательствомъ, что головы отвѣтившихъ упражнялись, способны работать, освоились съ приемами работы, а это главное.

Грамотность,—умѣніе читать, писать, считать, знаніе ариметики, привычка наблюдать и пользоваться своими чувствами,—все это, конечно, обязательно для всякаго человѣка, не лишеннаго умственныхъ способностей, и потому школа грамоты и низшее училище обязательны для всѣхъ. Въ среднемъ же училищѣ и особенно въ высшемъ, гдѣ учащіеся, болѣе или менѣе, осваиваются съ научными приемами, дается уже нѣкоторая свобода индивидуальнымъ особенностямъ, т. е. отъ ученика, обнаруживающаго особенную склонность и способность къ занятіямъ математическимъ, не требуютъ усиленныхъ занятій по словесности, отъ словесника — особеннаго рвенія къ естествовѣдѣнію и пр. Иногда у даровитыхъ людей очень рано обнаруживаются спеціальныя склонности.

Мы отмѣтили предположительно, какіе учебные предметы займутъ мѣсто въ будущей школѣ. Но къ нимъ, конечно, будутъ прибавлены въ значительной долѣ и занятія, развивающія эстетическую сторону (пѣніе и рисованіе), и физическія упражненія, необходимыя для развитія физической силы и ловкости. Педагоги въ будущемъ ясно будутъ сознавать всю несостоятель-

ность и односторонность одного лишь умственного упражненія, какимъ занимается, по ббльшей части, современная школа.

И такъ въ деревняхъ и селахъ будутъ начальныя школы грамоты, въ ббдныхъ, глухихъ деревушкахъ подвижныя школы. Въ значительныхъ селахъ и въ городахъ будутъ, сверхъ того, трехгодовыя низшія школы, составляя одно цблое съ двухгодичной школой грамоты, или отдбльно отъ нея все равно, такъ какъ всякій, окончившій эту послбднюю, будетъ приниматься въ низшую. Въ каждомъ убздномъ городб обязательно существуетъ одно или нбсколько среднихъ трехлбтнихъ училищъ, которыя могутъ быть слиты въ одно цблое съ низшей и со школой грамоты. Наконецъ, во всбхъ значительныхъ убздныхъ и во всбхъ губернскихъ городахъ должны быть высшія училища, соединенныя со средними, низшими и школами грамоты. Такимъ образомъ, полная общеобразовательная школа будетъ заключать въ себб по девяти классовъ съ прибавкой двухгодичнаго пригготовительнаго класса, или школы грамоты. Ученики и ученицы, поступившіе въ первый классъ школы грамоты семи лбтъ, будутъ оканчивать полный курсъ общеобразовательнаго училища 18-ти лбтъ.

Дбти, достигшія 7 лбтъ, могутъ поступать безъ всякаго испытанія въ эту школу грамоты. Девятилбтнія дбти, подготовившіяся дома, по испытаніи, умбютъ ли они читать, писать и считать, принимаются въ 1-й классъ низшей школы. Несмотря на то, что въ городахъ общеобразовательная школа представляетъ какъ бы одно цблое, по все же она обязательно должна вести курсы обученія такъ, чтобы въ ней школа грамоты, низшее, среднее и высшее училища вполнб сохранили свой характеръ, чтобы, напр., прошедшіе въ селб низшую школу могли поступить въ городб въ общеобразовательную школу, въ первый классъ средней школы и безъ затрудненія слбдовать за курсомъ. При такомъ устройствб всб учебныя заведенія разныхъ степеней будутъ органически связаны между собою, и при томъ, какъ могли замбтить читатели, каждая ступень представляетъ, по учебному матеріалу, все-таки нбчто законченное ¹⁾.

¹⁾ Такая концентрація обученія, о которой мечтали еще въ Екатерининское время, до сихъ поръ такъ и остается въ области мечтаній, и каждому учащемуся,

На ряду съ общеобразовательнымъ училищемъ въ его цѣломъ или частями его, существующими каждая отдѣльно, должны быть организованы въ томъ же порядкѣ самыя разнообразныя профессиональныя школы, соотвѣтственно потребностямъ той мѣстности, гдѣ устраиваются онѣ. Эти профессиональныя школы, мужскія и женскія, такъ же могутъ дѣлиться на нѣсколько градацій, какъ и училища общеобразовательныя, и давать возможность окончившимъ эти послѣднія поступать въ соотвѣтствующую по возрасту и развитію школу, напр., ученикъ двѣнадцати лѣтъ, прошедшій низшее общеобразовательное училище, могъ бы поступить въ низшее профессиональное училище, прошедшій среднее общеобразовательное училище—въ среднее профессиональное училище. Однимъ словомъ, все будетъ такъ организовано, что избирать себѣ школу по силамъ, по средствамъ и по склонностямъ въ состояніи будетъ всякій ¹⁾).

Школы грамоты и низшія общеобразовательныя училища будутъ, конечно, бесплатныя, а остальные, если и станутъ взимать плату, то такую, что она будетъ доступна крестьянину средняго достатка. Вообще, разъ правительство и общество заинтересованы въ томъ, чтобы просвѣщеніе широко распространилось по лицу русской земли, они, очевидно, позаботятся и объ общедоступности просвѣщенія; правительство болѣе всего помѣхи и затрудненія въ своихъ мѣропріятіяхъ и благихъ стремленіяхъ встрѣчаетъ именно вслѣдствіе невѣжества и малаго умственного развитія массы; какъ же ему, правительству, не заботиться о народномъ просвѣщеніи, объ общедоступности его? Въ будущемъ, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ открытъ самый широкій просторъ частной, или общественной инициативѣ въ дѣлѣ организации школы. Тогда, несомнѣнно, потекутъ щедрыя пожертвованія на просвѣщеніе со всѣхъ сторонъ. Тогда явится множество школъ различныхъ типовъ, и только тогда создается

окончившему курсъ низшей школы, рѣдко удастся безпрепятственно, безъ особой подготовки, попасть въ среднее учебное заведеніе—такъ мало согласованы ихъ курсы.

Ред.

¹⁾ Женскихъ профессиональныхъ школъ за послѣдніе годы открыто не мало, но мужскія профессиональныя училища очень медленно увеличиваются въ числѣ, хотя общество, несомнѣнно, въ нихъ сильно нуждается.

Ред.

у насъ настоящая русская школа, потому что сложится она свободно и естественно, лишь руководствуясь требованіями жизни. Несмотря почти на двухвѣковое существованіе школъ, считая со временъ Петра В., до сихъ поръ не выработалось у насъ своей національной общеобразовательной школы именно потому, что ужъ очень слаба была общественная инициатива; правительство же, заинтересованное, чтобы были въ странѣ образованные люди, необходимые для различной службы, устраивало школы, преслѣдуя свои государственныя цѣли; руководилось оно, въ этомъ отношеніи, примѣромъ преимущественно ближайшаго западнаго сосѣда—Германіи, заимствуя отсюда готовые формы и измѣняя ихъ сообразно тому, какъ шли измѣненія у сосѣда.

Такъ представляется организація мужскихъ и женскихъ школъ въ нашихъ мечтахъ (которыя, какъ видитъ читатель, не заключаютъ въ себѣ ничего несбыточнаго, утопическаго).—Такъ ли сложится школьная система или нѣсколько иначе,—не въ этомъ главное дѣло, а въ томъ, чтобы общество и правительство вполнѣ прониклись убѣжденіемъ, что широкое распространеніе просвѣщенія на всѣхъ ступеняхъ его необходимо для Россіи; что, разумно поставленное, оно принесетъ только пользу; что лица, утверждающія, будто бы у насъ людей съ образованіемъ уже достаточно, или даже больше, чѣмъ надо, не вѣдаютъ, что говорятъ. Этимъ лицамъ можно было бы отвѣтить, что у насъ больше, чѣмъ надо, не людей образованныхъ, а людей съ дипломами, дающими права на чины, на служебныя преимущества, толкающими ихъ къ вѣчному исканію выгодной коронной службы, хорошаго жалованья и пенсіи. Да и то можно еще нѣсколько сомнѣваться, слишкомъ ли ужъ много у насъ дипломированныхъ образованныхъ людей, когда на каждомъ шагѣ видишь на видныхъ казенныхъ мѣстахъ людей съ очень ужъ легкимъ образованіемъ. Раньше, когда правительство само стремилось создать значительный контингентъ просвѣщенныхъ людей, чтобы было изъ кого выбирать способныхъ лицъ на государственную службу, совершенно естественно было привлекать къ образованію различными служебными правами. Теперь нѣтъ болѣе надобности въ этихъ приманкахъ. Образование, само по себѣ, настолько при-

влекательно, что его со всѣхъ сторонъ ищутъ, просятъ, какъ хлѣба насущнаго...

Удовлетворять эту потребность обязательно. Но необходимо помнить,—мы повторяемъ и настаиваемъ на этомъ,—необходимо помнить, что *образование не есть, въ смыслъ круга знаній, или степени развитія, что-либо законченное, готовое, что можно дѣлить на порціи и давать, сколько кажется нужнымъ,—оно есть безконечный процессъ совершенствованія всѣхъ лучшихъ сторонъ человеческой натуры; оно есть вѣчное движеніе къ тому божественному идеалу, на который указалъ намъ Христосъ, сказавшій: будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ вашъ Небесный.* Тотъ же Божественный учитель, обращаясь къ людямъ (къ людямъ вообще, а не къ сословію какому-либо), указалъ, какой грѣхъ зарывать талантъ, данный Богомъ, въ землю. Все это, конечно, давнымъ давно всѣмъ извѣстно. Извѣстно-то извѣстно, да и остается только извѣстнымъ...

Вотъ если это *извѣстное* будетъ настоящимъ образомъ положено въ основу школьнаго дѣла, если ясно будетъ сознано, что задача школы—не простая выучка, нагруженіе памяти свѣдѣніями, какія кабинетные мыслители сочли необходимыми, не справляясь, принимаетъ ли ихъ душа учащихся, или нѣтъ,—не мнимое развитіе ума на матеріалѣ, который только томить душу, не вызывая никакого живого интереса, а бережное, полное любви и заботы, содѣйствіе подрастающему поколѣнію въ развитіи дарованій, данныхъ каждому Господомъ Богомъ,—питаніе ума вѣковѣчными истинами, живыми знаніями,—помощь въ выработкѣ нравственныхъ принциповъ,—возбужденіе умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, которые укрѣпляютъ и осмысливаютъ инстинктивное стремленіе души къ добру и къ истинѣ.

Если это все станетъ дѣйствительною задачей школы, она явится, несомнѣнно, могучимъ орудіемъ истиннаго образованія и, сама собою, безъ всякихъ стараній съ своей стороны, тѣсно сблизится съ обществомъ, съ жизнью. Жизненные волны смоютъ все рутинное, все омертвѣвшее со школы, и она заживетъ полною жизнью. Школа тогда ясно пойметъ, какая сила въ дѣлѣ воспитанія и обученія—живой интересъ; она не ограничится только уроками, а постарается взять въ свое распоряженіе

какъ можно больше образовательныхъ средствъ; все, что можно, возьметъ она изъ окружающей жизни, чтобы усилить свое воспитывающее значеніе.

При школахъ будутъ устраиваться по праздникамъ игры, прогулки, экскурсіи, чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, литературныя бесѣды, лекціи и проч. Въ такія школы будутъ ходить не только дѣти, но съ радостью придутъ и родители посмотреть, какъ ихъ дѣти, съ разгорѣвшимися глазами, участвуютъ въ играхъ, или въ бесѣдахъ. Школы въ деревняхъ вызовутъ потребность въ библіотечкахъ, которыми будутъ пользоваться не только ребята, но и кончившіе школу, и, вообще, грамотные крестьяне. Время отъ времени, умѣлый и способный учитель устроить при школѣ чтенія, поучительныя и полезныя и для взрослыхъ.

Школа, такимъ образомъ, станетъ и въ городѣ, и въ деревнѣ источникомъ истиннаго просвѣщенія.

Учитель и учительница.

Что такое учитель?—Наиболѣе распространенные типы учителя средней школы.—Типъ учителя-чиновника.—Причины, породившія этотъ типъ.—Чѣмъ объяснить отсутствіе интересовъ у большинства учителей.—Типъ учителя-промышленника.—Служебное и матеріальное положеніе учителя средней школы.—Отсутствіе надлежащей связи средней школы съ обществомъ и слѣдствіе этого.

Что такое учитель? Если посмотрѣть на этотъ вопросъ съ идеальной точки зрѣнія, то надо отвѣтить такъ: учитель—это лицо, посвящающее свои труды одному изъ самыхъ высокихъ и благородныхъ дѣлъ — развитію духовныхъ силъ подрастающихъ поколѣній, руководству ихъ на пути къ истинѣ, возбужденію въ нихъ жажды къ ней и утоленію ея живыми и плодотворными знаніями, добытыми наукою. Посмотрѣвъ на тотъ же вопросъ съ реальной стороны и руководясь лишь наблюденіями надъ дѣйствительностью, напр., въ большихъ городахъ, придется сказать: учитель за немногими исключеніями, представляетъ два господствующіе типа, — это или чиновникъ, болѣе или менѣе